

— Шичжи, ты умный и прилежный ученик, с выдающимися способностями и хорошим характером. Казалось бы, тебе не о чём беспокоиться. Но я всегда волновался за тебя.

— Учитель?

— Я посоветовал тебе стать лекарем в уезде Чжущань, и ты согласился, делая это очень хорошо. Люди здесь уважают тебя, даже господин Сюэ не исключение. Два года назад я вдруг решил взять Сяотана в ученики. Он ещё молод, и у меня не было ни сил, ни времени учить его, поэтому я оставил его в аптеке, и ты хорошо о нём заботился. Но знаешь, почему я так поступил?

Цинь Лу был человеком, который ценил ритуалы. Каждый раз, когда он начинал говорить с Мо Ли от первого лица, тот понимал, что это серьёзный разговор. С тех пор как он стал взрослым, хотя между ними сохранились отношения учителя и ученика, Цинь Лу обращался с ним как с равным, больше не считая его неопытным и неразумным ребёнком. Он давал советы, но никогда не приказывал, что делать, поэтому Мо Ли искренне уважал Цинь Лу.

Некоторые вещи, возможно, даны от рождения.

Но другие вещи Цинь Лу передал ему через свои слова и поступки.

— Учитель оказал мне огромную милость, и его взгляд на мир гораздо глубже моего. Вы сделали эти приготовления, конечно, не без причины. — Мо Ли действительно не знал, что имел в виду Цинь Лу, но у него были свои догадки. — Искусство врачевания требует постоянного лечения людей, чтобы совершенствоваться. Люди подвержены рождению, старости, болезням и смерти, и болезни неизбежны. Врач может увидеть все стороны жизни, что помогает закалить дух и улучшить внутреннюю технику. Что касается Сяотана, учитель не хотел, чтобы он растратил свой талант.

Цинь Лу прислушался к звукам у двери, убедившись, что Сяотан не рядом, и покачал головой:

— Всё, что ты сказал, верно, но это не всё. У Сяотана хорошие способности, но они далеки от твоих. А я старею и не знаю, сколько ещё смогу его учить.

Мо Ли несколько дней назад проверял пульс Цинь Лу и с недоверием сказал:

— Учитель, вы здоровы, и у вас впереди ещё лет десять-восемь хорошей жизни. Вы доживёте до того, чтобы написать эпитафию господину Сюэ.

Цинь Лу рассмеялся. Если бы уездный начальник Сюэ услышал это, он бы снова не смог заснуть.

— Шичжи, я сделал всё это, чтобы ты прожил жизнь в мире и покое. В детстве ты был замкнутым, не любил играть с другими детьми, а вырос таким же молчуном. Если бы ты не

стал лечить людей, я бы боялся, что ты вообще не знаешь, как разговаривать с незнакомцами.

Господин Цинь глубоко вздохнул.

— Теперь у тебя есть дом в уезде Чжушань, своя жизнь, и я оставил тебе Сяотана... Врачу трудно лечить себя самого. Вы — братья по учёбе, и заботиться друг о друге — это хорошо. Но Шичжи, ты всегда так одинок, будто всё, что у тебя есть, не может сделать тебя частью этого мира. У тебя много мыслей в сердце и много сомнений. О чём ты думаешь?

— ...

Цинь Лу искренне жалел своего ученика, видя его растерянность.

Раньше он думал, что одиночество Мо Ли связано с тем, что он был сиротой и не знал, как жить. Поэтому он старательно устроил ему такую жизнь, где ему не нужно было ни о чём беспокоиться, и Мо Ли сам справлялся лучше всех. Но одиночество и печаль в Мо Ли никогда не исчезали.

Мо Ли сидел за столом, не зная, как объяснить.

Он любил гору Цимао, любил уезд Чжушань, любил людей и здешние дела.

Сяотан был хорош, учитель тоже. Каждый в управлении был хорош, включая господина Сюэ и советника Ли.

Но — никто не мог быть с ним вечно. Мо Ли использовал искусство преобразования, чтобы стареть год за годом, но всему есть предел. Он не мог не «умереть».

Учитель уйдёт, Сяотан тоже уйдёт.

Потому что они люди, а он — демон-оборотень.

Он хотел найти себе подобных.

За окном внезапно упал кусок льда. Солнце взошло, и снег начал таять.

Мо Ли сжал руку, спрятанную в рукаве, и поднял голову, встретившись с заботливым взглядом Цинь Лу.

— ...

Увидев седые волосы господина Циня, Мо Ли снова замолчал.

Как подобрать слова, чтобы выразить свою мысль достаточно мягко и не напугать учителя?

Мо Ли был в смятении. Он оглядел комнату, пытаясь найти что-то для сравнения, но его знания в поэзии были невелики. Хотя, подумав, он мог бы сочинить несколько стихов, но быстро находить подходящие слова у него не получалось, особенно в такой момент растерянности.

Цинь Лу, увидев, как взгляд Мо Ли блуждает, вздохнул.

Каждый раз, когда Мо Ли хотел сменить тему или чувствовал, что не может сказать что-то прямо, он выглядел именно так.

Господин Цинь не знал, стоит ли продолжать давить на ученика или дать ему время подумать и поговорить позже. Пока он колебался, ученик вдруг встал.

— Шичжи?

— Учитель, подождите немного.

Сказав это, Мо Ли подошёл к ширме в спальне и вытащил ванну.

Цинь Лу был в полном недоумении.

Мо Ли не объяснял, а пошёл во двор, набрал ведро колодезной воды и вылил её в ванну, а затем начал закрывать окна и двери.

Господин Цинь был ошеломлён. В этот зимний месяц, хотя вода в колодце не замёрзла, она была ледяной. Даже мастера внутренней техники, не боящиеся жары и холода, не купались в холодной воде зимой, если только не практиковали какую-то особую технику.

Нет, даже если нужно было помыться, зачем делать это на его глазах?

Цинь Лу уже хотел остановить его, но тут увидел, как Мо Ли берёт фарфоровый флакон и возвращается, садится перед ним.

Так учитель и ученик сидели друг напротив друга, а между ними стояла большая деревянная ванна.

— ...

Цинь Лу не мог понять, что замышляет его ученик. Он слегка кашлянул:

— Шичжи, зачем тебе ванна?

Мо Ли открыл флакон, достал пилюлю и с почтением протянул её господину Циню.

Цинь Лу, недоумевающая, взял её и по привычке понюхал.

— Камфора, сафлор, красный пион, корень лигустикума... Это твоя новая пилюля защиты сердца? — Цинь Лу внимательно осмотрел пилюлю. Она была гладкой, светло-коричневого цвета, и он с одобрением кивнул.

Хотя отвары хороши, в экстренных случаях они не успевают подействовать, а пилюля защиты сердца как раз для таких случаев.

Сказав это, Цинь Лу заметил, что ученик молча смотрит на него. Он задумался: может быть, он хочет, чтобы я попробовал?

— Шичжи, у меня нет болезней сердца. — Цинь Лу был в недоумении.

Мо Ли едва не сказал: «На всякий случай». Он не мог заставить Цинь Лу принять пилюлю, ведь человеку без болезней принимать лекарства неприятно. Для мастеров внутренней техники такие препараты, улучшающие кровообращение, нужно использовать с осторожностью, чтобы не нарушить течение энергии и не вызвать безумие.

— ...Учитель, могу ли я запечатать ваши каналы?

— Запечатать каналы? Зачем? — Цинь Лу был ещё более озадачен.

Мо Ли глубоко вдохнул и с почтением сказал:

— Потому что у учителя глубокие познания и длительное дыхание. Если что-то пойдёт не так, опасность возрастёт в несколько раз. Ученик не смеет рисковать.

Звучало разумно, но —

— Почему моё дыхание может пойти не так? — Господин Цинь был в растерянности. Он каждый день рано ложился и рано вставал, соблюдал умеренность в еде, избегал сильных эмоций, и у него не было врагов, которые бы приходили сражаться. Как же его дыхание может выйти из-под контроля?

Мо Ли подумал, что учитель прав. Цинь Лу в молодости путешествовал по всему миру, видел

многое. Когда он узнал, что Мо Ли — демон-оборотень, то лишь долго переживал, но не считал его чудовищем и не упал в обморок. Может быть, и на этот раз он справится?

— Нет, лучше перестраховаться.

Мо Ли решил быть осторожным и сказал:

— Потому что ученик хочет показать учителю кое-что... Это связано с ответом на ваш вопрос.

Цинь Лу был поражён. Он посмотрел на пилюлю защиты сердца в руке, вспомнил просьбу Мо Ли запечатать его каналы, и в его голове возникли тысячи предположений. Мо Ли был тем, кого он вырастил, и не было ничего, чего бы он о нём не знал. Может быть, проблема в его происхождении? Мо Ли не был уроженцем уезда Чжушань и не был ребёнком горцев. У него было другое происхождение?

Да, когда он нашёл мальчика, его кожа была белой и нежной, будто он рос в роскоши.

<http://bllate.org/book/15299/1351774>